

ное формирование творческой личности ребенка. Развитие творческих способностей учащихся — одно из требований, предъявляемых к организации учебного процесса в школе. Пробудить заложенное в каждом ребенке творческое начало, помочь сделать первые шаги в творчестве — задача не из легких. Как показывают результаты многих психолого-педагогических исследований детского творчества, у детей в школьном возрасте проявляется потребность в самовыражении. Следовательно, задача школы — создать такую обстановку, в которой возможно максимальное развитие творческого потенциала ребенка.

На основании проведенных диагностик мы разработали факультативный интегрированный курс по русскому языку «Комплексный анализ текста» для пятого класса, ставя в качестве одной из главных целей развитие правого полушария учеников с полным доминированием левого полушария. Данная цель достигается благодаря использованию многообразных творческих заданий, апробация и анализ которых будут проведены в следующем учебном году.

Литература

Колесов Д.В. Предупреждение вредных привычек у школьников. — М., 1984.

Трауготт Н.Н. Очерки психофармакологии человека. — Л., 1968.

Хризман Т.П. Эмоции, речь и активность мозга ребенка. — М., 1991.

Юркевич В.С. Одаренные дети: проблемы воспитания и развития // Образование, ребенок, ученик. — М., 2009.

©Романова Е.Н., 2011

Н.А. Синица
Екатеринбург

Церковная речь в зеркале русской диалектной лексики*

* Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инноваци-

Ключевые слова: духовная культура народа, церковная речь, десакрализация.

В русских говорах и общенародном языке выделяется группа лексем и фразеологизмов, относящихся к христианской религии и культу. Эти языковые факты большей частью представляют собой вторичные заимствования: из греческого они попали в старославянский и церковнославянский, оттуда – в книжный вариант русского языка, а затем проникли в говоры, где претерпели определенную адаптацию на разных языковых уровнях и нередко становились основой семантико-словообразовательной деривации. Реже отмечаются исконные лексемы, которые развили значения, связанные со сферой христианской религии. Анализ этого материала помогает обнаружить специфику народного восприятия и оценки христианской религии и отправления культов. В настоящей статье будет анализироваться процесс семантической деривации на базе «христианско-церковной» лексики, относящейся к сфере речевой деятельности. Выделяются следующие группы лексем, вступающих в процессы деривации: обозначения жанров церковной речи – *акафист*⁶, *исповедь*, *кондак*⁷, *молитва*, *проповедь*; названия священных книг – *Библия*, *Евангелие*, *Псалтырь*; словесные формулы, встречающиеся в текстах религиозного содержания, – *аллилуйя*⁸, *аминь*, *анафема*⁹; обозначения служителей культа, которым приписывается церковная речь, – *дьякон*, *дьячок*, *кало-*

онной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

⁶ *Акафист* ‘песнопение, прославляющее Иисуса Христа, Богородицу или святых, исполняемое молящимися стоя; состоит из чередующихся 13 кондаков и 12 икосов (церковных песнопений, содержащих прославление святого или празднуемого события)’ [Скляревская: 11].

⁷ *Кондак* ‘строфа акафиста, краткое церковное песнопение’ [Скляревская: 122].

⁸ *Аллилуйя* ‘припев церковных песнопений, повторяемый троекратно’ [Скляревская: 13].

⁹ *Анафема* ‘церковное проклятие, отлучение от церкви как высшее наказание в христианстве’ [Скляревская: 15].

гер¹⁰, *пономарь*, *поп*. Описанные группы лексики мы объединяем не совсем точным термином *церковная речь* (например, молитва может звучать не только из уст церковнослужителей); данный термин вводится условно и служит упрощению изложения.

Восприятие церковной культуры происходит преимущественно через богослужение, поэтому наиболее яркое и полное отражение в народном языке находят особенности **устной церковной речи**. И прежде всего внешние характеристики церковной речи, особая **манера произнесения**. **Песенность, протяжность** церковной речи отражают новосиб. *разводить молебен* ‘говорить плавно, протяжно’ [СРНГ 33: 291], курск., калуж., твер. *дьячить* ‘петь духовные песни, петь на клиросе’: «Он любит в церкви дьячить» [Даль 1: 451; СРНГ 8: 300], калуж. *дьячить* ‘петь что-либо по нотам (хотя и светское)’ [СРНГ 8: 300]. С протяжностью и напевностью речи богослужений связано и восприятие ее как **монотонной**: новг. *дьячить* ‘монотонно петь’: «Бабка гулко дьячит» [НОС 2: 113], общенар. *читать как пономарь* ‘читать монотонно, невыразительно’ [БАС 10: 1244]. С этим же связаны два других мотива – **выпрашивания** (новг. *дьячить* ‘твердить одно и то же, выпрашивая что-либо’: «Что ты с утра дьячишь? Сказано, что не дам денег на вино» [НОС 2: 113], пск. *дьячить* ‘просить милостыню’: «Калежи сидят, просят, белые шалгуны за плечами, у старцеф ани дьячут пад окнами и пают». [ПОС 10: 92], пск. *дьячить* ‘неотвязно, надоедливо выпрашивать, вымаливать что-нибудь’: «Знаиш как дьячил, ат самъй Ньюшки пакоя ни давал» [ПОС 10: 92]) и **поучения, нравоучения** (пск. *акафист читать (петь)* ‘поучать, отчитывать кого-либо, читать нравоучения кому-либо’ [БСРП: 14], просто-нар. *дьячить* ‘толмачить, толковать, объяснять’ [Даль 1: 451], пск. *дьячить* ‘навязчиво поучать кого-нибудь’: «Ну ланна, баба, хватя мне тут дьячыть» [ПОС 10: 92]). Далее, по-видимому, на основе идеи нравоучения, сформировался мотив **брани**: пск., твер. *молебен (с акафистом) читать (давать, петь, пропеть)* ‘ругать, отчитывать кого-нибудь, делать выговор кому-нибудь, читать нотацию’ [ПОС 18: 302; СРНГ 18: 215], карел. (рус.) *мо-*

¹⁰ Ср. старорус. *калогер* ‘монах, почтенный старец’ [СлРЯ XI–XVII в.: 38].

лебны служить ‘ругаться, браниться’: «Ну пошли фирсовские бабы молебны служить» [СРНГ 18: 215], пск. *давать /дать (петь / пропеть) молебен* ‘ругать, отчитывать’ [БСРП: 408], влг. *править молебен* ‘ругать, отчитывать’ [БСРП: 408], пск. *петь / пропеть аллилуйю* ‘ругать, отчитывать кого-либо’ [БСРП: 16], пск. *читать псалтырь* ‘ругать, отчитывать кого-либо, читать нравоученья кому-либо’ [БСРП: 541].

Церковная речь воспринимается также как **длительная** и **многословная**: омск., новосиб. *разводить молебен* ‘долго и нудно говорить, рассказывать’ [СРНГ 33: 291], дон. *как дьякон на амоне* ‘о болтливом, многоречивом человеке’ [СДГВО 2: 112], перм. *калагирь* ‘шутник-старичок; рассказчик-старичок’ [СРНГ 12: 333], (без указ. места) *поповский язык* ‘о многословном, болтливом человеке’: «Сегодня день не Петровский, язык не поповский» [СРНГ 29: 325]. Ироническим переосмыслением последнего факта, по-видимому, является пск. *поповский язык* ‘о немногословном, молчаливом человеке’ [Там же].

Содержание богослужебных текстов, как правило, малопонятно, что приводит восприятию церковной речи как **бессмысленной**: свердл. *молебен служить* ‘пустословить’ [СРГСУ: 302]. Идея бессмысленности, бесполезности связана с идеей **отсутствия какого-либо признака**, проявляющейся во фразеологии и деривации на основе слов *аминь* и *молитва*: влг. *с амином уйти* ‘получить отказ, уйти ни с чем’: «Отказали ему, с амином парень ушёл» [СГРС 1: 16]. Частным проявлением этой идеи становится мотив пищи без начинки, часто постной, в представлении народного сознания «пустой»: ростов., яросл., новг. *пирог с амином (с амином)* ‘пирог без начинки’ [СРНГ 27: 39], краснояр., свердл. *молитвенник* ‘пирог без начинки; лепешка без приправы’: «Пустой пирог внутри с маслом молитвенник зовут. Просту лепешку маслом помажешь, растронется, молитвенник» [СРНГ 18: 219; СРГСУ 2: 135], перм., костром. *пирог с молитвой* ‘пирог без начинки’: «С чем пирог у тебя седни? С молитвой». [СРНГ 18: 217], вят. *с постной молитвой испечь что-либо* ‘без начинки испечь что-либо’: «Испеку я вам завтра пирог с творогом, а другой с постной молитвой» [СРНГ 30: 230]. Важно и то, что во время поста воздержание от скоромной пищи со-

проводилось усиленными молитвами, ср.: «Пришла редька да хрен да книга Ефрем» [Даль 2: 513].

Представления о малосодержательности и многословности церковной речи, вероятно, послужили основой для развития мотивов **сплетен** (курск. *понесть аллилуйю* ‘разболтать, разглашать что-либо, насплетничать’ [БСРП: 16]) и **чепухи** (влг. *аллилуйя* ‘чепуха, ерунда’: «Наскажет вам всякую аллилуйю» [СГРС 1: 15], ворон., влг. *затянуть (понести) аллилуйю с маслом* ‘начать говорить вздор’ [СРНГ 11: 122], карел. (рус.) *наоко́лачивать аллилуйю* ‘насобирать всякой всячины, чего-либо ненужного’: «Аллилуйю какую наоколачиваете, спрашивали бы, я бы лячкала» [СРГК 1: 18]). Стоит также отметить влияние на семантику дериватов слова *аллилуйя* необычного звукового облика слова: слово воспринимается как звукоподражание и сближается с исконными звукоподражательными словами, обозначающими интенсивную, нечленораздельную и непонятную речь, ср. костром., ряз., пенз., перм., тамб., твер. *алалы́кать* ‘говорить невнятно, бормотать’, калуж., сев-двин. *алалáкать* ‘говорить вздор, чепуху’, калуж., курск., пенз., тамб. *алалá* ‘бесмыслица, вздор, бред’ [СРНГ 1: 230]). Вероятна контаминация слова *аллилуйя* со звукоподражаниями типа *алалáкать*, ср. пенз., тамб. *алалу́ить* ‘говорить неразборчиво, непонятно’, ‘говорить вздор, чепуху’, костром., курск., пенз., тамб. *алалу́йя* ‘бесмыслица, вздор’ [СРНГ 1: 230] и др. Развитие «речевой» семантики приводит к появлению значений, характеризующих обладателя неразборчивой и бессмысленной речи: сев.-двин. *алалуй* ‘дурак, идиот’ [СРНГ 1: 230].

В потоке церковной речи носитель народного сознания выделяет определенные ключевые точки, значимые элементы, характеризующиеся **сильной позицией в тексте**: в первую очередь, это слово *аминь*, занимающее позицию конца, а также повторяемый троекратно рефрен *аллилуйя* и восклицание *анафема*, обладающее сильной экспрессией. От этих слов образуются семантические дериваты, в значениях которых чувствуется яркий **эмотивный компонент** (твер. *аминь-аминь!* ‘ба-ба!’ [СРНГ 1: 251], влг. *аминь будь* ‘слава богу’ [СРНГ 1: 251], влг. *аминь возьми!* ‘черт возьми!’: «Полохало поставили, а всё равно всё съили в огороде курисы, амин их возьми». [СГРС 1: 16]) и при-

знак **чрезмерности** (прост. *анафемски* ‘очень, слишком, чрезмерно’ [БАС 1: 134], арх., влг., *амин* ‘употребляется для выражения чувств, связанных с чем-либо из ряда вон выходящим’: «Амин откуда вы есь! Аж с Урала вас сюда пригнали!» [АОС 1: 71; СГРС 1: 16], арх. *амин* ‘очень’: «Прямо синяфки была, дак амин страшно» [АОС 1: 71], арх. *амин* ‘употребляется для выражения высшей степени проявления какого-либо признака’: «Петух у нас герой, дак амин» [АОС 1: 71], арх., влг. *амин*, *аминь* ‘много, в большом количестве’: «Да раньше накодан экой ворох, амин навозу-го» [АОС 1: 71; СВГ 1: 16], влг. *аминь* *будь* ‘очень сильно, очень много’: «Ну уж он не здоров, так аминь будь» [СРНГ 1: 251], литер. *аллилуйный* ‘преувеличенно хвалебный’ [БАС 1: 96]).

Наиболее сильно позиция слова в богослужебном тексте влияет на развитие семантики лексемы *аминь*. Из идеи конца текста развилась идея **конца какого-либо действия и конца вообще**: литер. *аминь* в знач. сущ. или нареч. употребляется при решительном утверждении: в смысле — конец, кончено [БАС 1: 103], пск. *аминить* ‘кончать дело, работу’: «Довольно, будем аминить» [СРНГ 1: 251], твер. *зааминить* ‘закончить, завершить что-либо, сказав «аминь»’: «Думаешь, зааминил, — так и прав», «Молитвы-то сегодня поп и не зааминил» [СРНГ 9: 238], ряз. *аминок* ‘все, конец’ [ДС: 46], *затянув аллилуйю, да скорей за аминь* ‘торопиться к концу дела’ [Даль 1: 11]. Частным проявлением идеи конца становится мотив смерти: смол. *амин* ‘гибель’: «Ну теперь будет вам амин» [СОС: 9], *здать кому аминь* ‘порешить, уничтожить’ [Даль 1: 15].

Большинство из приведенных выше фактов свидетельствует о **десакрализации** церковной лексики, при которой происходит перенос определенных ситуаций, явлений и деталей, характерных для сферы христианской религии, в обыденную жизнь. Так, в восприятии *анафемы* центральной является идея **проклятья, осуждения**: литер. *анафематствовать* ‘проклинать, ругаться’ [БАС 1: 134], *анафемский* ‘с порицательным значением (скверный, ужасный и т. п.)’ [БАС 1: 134], простореч. *анафема* ‘проклятье, брань’, *анафемить* ‘ругать, проклинать, желать зла и гибели’ [Даль 1: 16], литер. *предавать анафеме* ‘клеймить, подвергать резкому осуждению’ [БСРП: 17], простореч. *будь ты*

(он, они) *трижды анафема!* ‘восклицание, выражающее крайнее возмущение, негодование, проклятье’ [БСРП: 17]. При развитии семантики слова *аллилуйя* главным становится мотив **восхваления**, который проявляется преимущественно в фактах литературного языка: литер. ирон. *аллилуйщина* ‘чрезмерное восхваление работы учреждений, организаций, отдельных лиц, сознательно прикрывающее недостатки и мешающее этим их устранению’, *аллилуйщик* ‘человек, чрезмерно восхваляющий что-либо в ущерб делу’, *аллилуйный* ‘преувеличенно хвалебный’ [БАС 1: 96], разг. *петь / запеть* (*нести / понести, тянуть / затянуть*) *аллилуйю* ‘захваливать, превозносить кого-либо выше всякой меры’ [БСРП: 15].

Специфична логика семантического развития слова *исповедь*. В отличие от других (монологических) видов речи, исповедь предполагает диалог, поэтому ситуация здесь может отражаться с двух сторон: со стороны исповедующего и со стороны исповедуемого. В первом случае выделяется мотив **расспрашивания, дознания** (арх., влад. *исповедовать* ‘разузнавать, разведывать’ [СРНГ 12: 229], пск. *исповедовать* ‘спросить (спрашивать) о чем-нибудь’: «Долга вас спаведьвали?» [ПОС 13: 316], влг. *исповедовать* ‘расспрашивать, настойчиво допытываться о чем-либо’ [СВГ 3: 22]), а также указания на грехи исповедуемого (пск. *исповедовать* ‘ругать, стыдить’: «Вот иё там зьлучили в кьридоры и испаведьвали» [ПОС 13: 316]) и поучения (пск. *исповедовать* ‘поучать’: «Сынок, я тебя фсё спаведываю, письма часта пишу» [ПОС 13: 316]). Во втором случае (при отражении ситуации исповеди со стороны исповедуемого) выделяется **мотив откровенности**: литер. *исповедь* ‘откровенное признание в чем-либо, откровенное, чистосердечное изложение чего-либо’ [МАС 1: 682], дон. *как попу на духу* (*сказать*) ‘открыто, честно, ничего не утаивая’ [СДГВО: 6]. Следует отметить такую характерную деталь: в реальной ситуации исповеди наиболее активную роль играет исповедуемый, а «языковое зеркало» ярче и полнее отражает речь исповедующего. Активность исповедую-

щего подчеркивается и во фразеологизме *глухая исповедь* ‘разговор, во время которого говорит только один собеседник’¹¹.

Несмотря на высокую степень десакрализации, о которой говорилось выше, в народной языковой традиции отражаются и представления о **сакральности** церковной речи, которые проявляются в связи с дериватами слов *аминь* и *молитва*. При развитии значений этих слов может измениться сфера сакрального: семантические производные отдаляются от церковной сферы и приобретают значения, связанные с **магией** (заговорами и заклинаниями): забайк. *молитва* ‘текст заговора’ [СРНГ 18: 217], перм. *молитва* ‘слова, составляющие заговор’ [АОС 2: 136], влг. *молитва* ‘охранительный заговор (молодым на свадьбе или скоту от зверей)’ [СРНГ 18: 217] и др. (ср. также использование слова *молитва* в болгарской календарной лексике, где оно означает ритуальный текст, произносимый колядчиками во время святочных обходов села [Седакова 2003: 536]). В отличие от некоторых других проявлений церковной речи, которые могут представляться народному сознанию бессмысленными и бессодержательными, *аминь* и *молитва* имеют четко выраженную прагматическую установку. Эти слова могут выступать в качестве **оберега** и наделяться способностью уничтожить нежелательные явления и болезни: калуж. *ни хрестом, ни молитвой* ‘никак’ «От черта хрестом избавишься, а от бабы — ни хрестом, ни молитвой» [СРНГ 20: 215], *аминь, аминь и рассыться* ‘говорится нечистой силе’ [Даль 1: 15], печор. *аминь под бок* ‘выражение, употребляемое при обряде крещения ребенка для обережения его от нечистой силы’: «Крестные при крещении плевали 3 раза в левый бок и говорили: аминь под бок» [ФСРГП 1: 23], арх. *аминь-слово* ‘не во вред будь сказано’: «Аминь-слово, он уж к дому приверует» [СРНГ 1: 251], пск., смол., яросл. *аминиться*, арх. *зааминиться* ‘произносить «аминь», ограждая себя от зла, несчастья’ [СРНГ 1: 251], влг., костром., яросл., пск. *зааминить, зааминивать, зааминовать* ‘в суеверном представлении: избе-

¹¹ Исходно ситуация глухой исповеди – особый способ исповедования больного, при котором больной находится без сознания или по какой-либо другой причине не может говорить.

гать неприятностей, уничтожать заболевание, заговаривая, произнося «аминь»»: «На каком глазу сядя жычына <ячмень на глазу>, на тую руку привязывать шарсьтяну нитачку и зааминивають, три рас “амин” нада гъварить и прайдё, засохня» [ПОС 10: 291], арх., иркут. *зааминить* ‘уничтожить, заговорить болезнь (колдовством, заклинанием)’ [СРНГ 8: 238]. В этом случае слово *аминь* можно рассматривать как перформативное (приравниваемое к действию): яросл. *аминить* ‘произносить «аминь»’: «У солдата <в аду> что кольцо сковано, то аминено» [СРНГ 1: 251]. К семантике берега близки фразеологизмы, используемые для выражения **несогласия**: ворон. *сотвори молитву* ‘не говори пустяков, вздора’ [СРНГ 18: 217], олон. *молись ты богу!* ‘полно тебе!’ [СРНГ 18: 219], влг. *аминь будь* ‘означает полное несогласие с мнением другого лица’ [СРНГ 1: 251]. *Аминь* и *молитва* здесь выполняют функцию предостережения от совершения ошибки.

Трансформация признака сакральности церковной речи может привести к ироническому переосмыслению церковной речи и к появлению мотива **брани**: калуж. *моли́твить* ‘рано утром (когда другие молятся) браниться неприличными словами’, ‘бранить кого-либо’ [СРНГ 18: 218], костром. *молитва* ‘неприличные стихи, которые читают при игре «в лошадь»’ [СРНГ 18: 217]. В данном случае мы видим развитие семантики на основе энантиосемии, т. е. переключение «полюса оценки» на противоположный – с «чистого» на «нечистый» (ср. также влг. *аминь будь* ‘слава богу’ [СРНГ 1: 251] и влг. *аминь возьми!* ‘черт возьми!’ [СГРС 1: 16]). Ср. также модель ‘призывать в свидетели Бога’ → ‘ругаться’: сиб. *божить* ‘ругать, сквернословить’, дон. *боговать* ‘ругаться, упоминая Бога’, *отбоговать* ‘отругать’ (как указывает А. В. Хелемендик, такое развитие значений является довольно поздним и объясняется изменением мировоззрения в связи с секуляризацией жизни [Хелемендик 2007: 89]). Важно и то, что брань, как другие виды «особой» речи, способна выступать в качестве сильного берега [СД 1: 251].

Церковная речь связывается с конкретными **исполнителями**. В «изображении» диалектной лексики субъектами такой речи обычно выступают представители низших степеней духовен-

ства. Нередко это **дьякон и дьячок**¹², ср. карел. *надячить* ‘начать читать проповедь’: «Возьми вина да надьячишь» [СРГК 3: 317], простонар. *дьяконник* ‘ектения¹³, произносимая дьяконом во время церковной службы» [Даль 1: 451], дон. *как дьякон на амоне* ‘о болтливом, многоречивом человеке’ [СДГВО 2: 112], новг. *дьячить* ‘говорить, вести беседу’: «На супрядке дьячили» [НОС 2: 114] (ср. также значения слова *дьячить* ‘петь духовные песни, петь на клиросе’, ‘петь что-либо по нотам («хотя и светское»)’, ‘монотонно петь’, ‘твердить одно и то же, выпрашивая что-либо’, ‘просить милостыню’, ‘неотвязно, надоедливо выпрашивать, вымалывать что-нибудь’, которые рассматривались выше). Еще одним исполнителем церковной речи называется **поп**: сиб. *два дурака: поп да петух, кто помрёт — он поёт* шутол. ‘о недалеком, глуповатом человеке’ [ФСРГС: 145], диал. *поповский язык* ‘о многословном, болтливом человеке’ [СРНГ 29: 325], пск. *поповский язык* ‘о немногословном, молчаливом человеке’ [СРНГ 29: 325]. Субъектами церковной речи могут быть также **пономарь** (общенар. *читать как пономарь* ‘читать монотонно, невыразительно’ [БАС 10: 1244]) и представители черного духовенства – **монах** и **калогер** (новг. *монашиться* ‘вести разговор в толпе’ [НОС 5: 95], перм. *калагёр* ‘шутник-старичок; рассказчик старичок’ [СРНГ 12: 333]).

С образом исполнителя тесно связан такой жанр церковной речи, как кондак: ворон. *кондак* ‘прозвище гнусавого человека’ [СРНГ 14: 246], арх. *кондак* ‘хитрый, злобный человек’ [СРНГ 14: 246]. Довольно необычный перенос названия жанра речи на атрибут ее исполнителя наблюдается в лексеме перм. *кондак* ‘пучок волос у церковных причетников, заплетенных в косу и подвязанных на затылке’: «Видно, церковник как-от идет; наза-

¹² В церковной иерархии дьякон и дьячок обозначают разных служителей культа, но поскольку их обозначения связаны этимологически, а функции, которыми наделяет эти фигуры народное сознание, практически не различаются, представляется возможным рассматривать дериваты этих слов недифференцированно.

¹³ *Ектения* ‘молитвословие, произносимое дьяконом или священником на богослужении, начинающееся с призыва к молитве и содержащее ряд прошений, после каждого из которых хор поет «Господи, помилуй» или «Поддай, Господи»’ [Скляревская: 90].

ди-то кондак» [СРНГ 14: 246]. Такое развитие значения может быть вызвано тем, что чтение кондака допускало отсутствие у церковнослужителей головного убора – и пучок волос на затылке становился яркой деталью, определяющей восприятие внешности церковнослужителя.

В заключение рассмотрим лексику христианской религии, связанную с **письменной речью**. Это слова *Библия* и *Евангелие*. Важными характеристиками этих книг являются **большой объем** (вгл. *библия* ‘что-либо, написанное в большом объеме’: «Эко я бахвалю-то, ты вон целую библию написала» [СГРС 1: 113], вгл. *евангелие* ‘о большом количестве написанного’: «Целое евангелие написала» [СГРС 3: 299]) и **крупные буквы**, которыми эти книги пишутся (влад. *по-евангельски (писать)* ‘крупными буквами (писать)’ [СРНГ 8: 311]). В связи с Библией отмечается фразеологизм карел. (рус.) *житейская библия* ‘биография’ [БСРП: 40], в котором Библия представляется как жизнеописание и этим сближается с Евангелием. На основе представления о большом количестве речи развивается семантика сочиненного текста: иркут. *библию составлять* ‘выдумывать, сочинять’: «Паря, ты мне библию составляешь» [СРНГ 40: 59]. С этим же связан **мотив сплетен** (сиб. *составлять библию* ‘наговаривать на кого-либо’ [БСРП: 40]), из которого, вероятно, развивается **мотив брани** (вгл. *составлять библию* ‘ругать, бранить кого-либо’ [БСРП: 40]). Кроме того, Библия осознается как определенный **свод жизненных норм и правил**: сиб. *по бесовской библии (жить)* ‘бесчестно’ [БСРП: 40].

Таким образом, лексика вербальной сферы христианской религии дает значительное количество производных в русских народных говорах. Анализ этого материала показывает, что носители диалекта уделяют основное внимание внешней стороне церковной речи, а не ее содержанию. В большинстве случаев эта лексика подвергается десакрализации, отрывается от церковной сферы и начинает употребляться в связи с бытовыми ситуациями. Довольно часто изучаемые лексические факты несут негативную оценку. Кроме того, слова, обозначающие церковную речь, в народном языке обладают различной степенью активности. Наиболее продуктивными в плане семантического развития оказываются слова *аминь* и *молитва*: это такие элементы речи,

по отношению к которым носитель народного сознания оказывается непосредственным субъектом действия, а не пассивным наблюдателем церковного обряда.

Литература

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1994. – Т. 1–4.

Петкевич А.В. Жертвоприношение в русской символической картине мира: Магистерская диссертация / Уральский государственный университет. – Екатеринбург, 2007.

Седакова И.А. Судьба сакральных слов в славянских языках (между язычеством и христианством) // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Люблина 2003 г. Доклады российской делегации. – М., 2003.

Скляревская Г.Н. Словарь православной церковной культуры. – СПб., 2000.

Хелемендик А.В. Генетическая характеристика лексико-семантического поля 'ругать (-ся) в русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2007.

Список сокращений и словарей

АОС – Архангельский областной словарь. – М., 1980 –. Вып. 1.

БАС – Словарь современного русского литературного языка. – М.; Л., 1950–1965. – Т. 1 – 17.

БСПП – Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. – М., 2008.

ДС – Словарь современного русского говора (д. Деулино Рязан. р-на Рязан. обл.). – М., 1969.

МАС – Словарь русского языка. – М., 1986–1987. – Т. 1–4.

НОС – Новгородский областной словарь. – Новгород, 1992–1995. – Вып. 1–12.

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. – Л., 1967–. Вып. 1–.

СВГ – Словарь вологодских говоров. – Вологда, 1983–2007. – Вып. 1–12.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера. – Екатеринбург, 2001–. Т. 1–.

СГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала. – Екатеринбург, 1996.

СД – Славянские древности: Этнолингвистический словарь. – М., 1995–. Т. 1–.

СДГВО – Словарь донских говоров Волгоградской области. – Волгоград, 2006. – Вып. 1–.

СлРЯ XI – XVII в. – Словарь русского языка XI–XVII вв. – М., 1975–. Вып. 1–.

СОС – Смоленский областной словарь / Сост. В.Н. Добровольский. – Смоленск, 1914.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. – СПб., 1994–2005. – Вып. 1–6.

СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала. – Свердловск, 1964–1987. – Т. 1–7.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. – М.; Л., 1965–. Вып. 1–.

ФСРГП – Фразеологический словарь русских говоров нижней Печоры.

ФСРГС – Фразеологический словарь русских говоров Сибири / Под ред. А.И. Федорова. – Новосибирск, 1983.

©Синица Н.А., 2011

Е.В. Сычёва

Ставрополь

Цветовые обозначения, формирующие индивидуально-авторскую картину мира (на материале очерков В. Пескова «Лесные глаза»)

Ключевые слова: идиостиль, коннотативный компонент лексического значения, картина мира.

Разностороннее лингвистическое изучение речевых возможностей человека предполагает изучение психолингвистических основ порождения и восприятия речи. В связи с этим следует отметить, что ментальное пространство человека состоит из многих элементов, одним из которых является цвет. В очерках В. Пескова он определён зрительно-визуальной образностью. Цветом пронизано всё повествование, сообщая адресату